

А. Л. Кац

ПРОБЛЕМА РАБСТВА У ПЛАВТА И КАТОНА

РИМСКАЯ комедия (и комедии Плавта в частности) сейчас, как и прежде, широко используется для изучения истории рабства. Из новых работ следует назвать исследование П. Шпрангера¹, имеющее серьезные достоинства в анализе литературного наследства Плавта, но отстаивающее неприемлемую концепцию, затушевывающую классовый антагонизм между рабами и рабовладельцами².

Наиболее четко сформулирована эта концепция в докладе С. Лауфера на XI Международном конгрессе историков, посвященном античному рабству. С. Лауфер, хотя и признает разделение античного общества на рабов и рабовладельцев, утверждает, что в нем не было серьезной классовой вражды, а тем более борьбы. (Великие рабские восстания, с его точки зрения, были лишь эпизодом, вызванным особой обстановкой в средиземноморском мире.) Стоит отметить, что, уверяя, будто между рабом и его владельцем отношения были такими же, как между слугой и господином в пьесах XVIII в., автор ссылается на римскую комедию³.

Взгляд советских исследователей на пьесы Плавта, как на источник по истории римского рабства, всего отчетливее выражен столь авторитетным исследователем, как С. И. Соболевский. «Введение в комедии рабов как главных действующих лиц, — писал он, — является оригинальной чертой творчества самого Плавта»⁴.

Принимая эту точку зрения, Я. Н. Коржинский на примерах из комедий Плавта убедительно показывает, сколь отрицательно относились рабы к своему положению, как велико было их стремление к свободе. В пьесах Теренция, напротив, сглаживаются резкие противоречия между рабами

¹ Peter P. Spranger, *Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz*, Wiesbaden, 1960.

² См. краткую рецензию М. Г. (ВДИ, 1963, № 1, стр. 139—141) и статью Е. М. Штаерман «Положение рабов в период поздней республики» (ВДИ, 1963, № 2, стр. 94).

³ S. Lauffer, *Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt*, «XIe Congrès International des Sciences Historiques. Rapport II. Antiquité», Göteborg — Stockholm — Uppsala, стр. 71 сл. Антимарксистский по своей направленности доклад С. Лауфера уже был критически разобран на страницах ВДИ (см. Г. Г. Диллигенский, Проблемы истории античного рабства на XI международном конгрессе исторических наук в Стокгольме, ВДИ, 1961, № 2, стр. 124—137).

⁴ Публий Теренций, Адельфы, Введение и комментарии С. И. Соболевского, М., 1954, стр. 38. Самобытность творчества Плавта подчеркивают также А. Пнотровский (см. Тит Макций Плавт, Избранные комедии, II, М.—Л., 1935, стр. XIV—XVIII) и Ф. А. Петровский (см. «История римской литературы», М., 1959, стр. 69 сл.). О римском происхождении «интригующего раба» как «главной пружины действия» пишет и Е. М. Штаерман (ук. соч., стр. 96 сл.).

и рабовладельцами. Это исследователь объясняет влиянием греческих образцов и популярностью Теренция в аристократических кругах⁵. Я. Н. Коржинский полагает, что Плавт симпатизировал рабам как представителем обездоленного класса и старался внушить зрителям те же чувства.

Е. М. Штаерман, напротив, считает, что Плавт не был выразителем сознательного протеста против рабовладения. В своих комедиях Плавт обнажил неприязненные отношения между рабами и хозяевами и выступил с распространенным в Риме мнением: раба нужно сносно содержать, чтобы привязать к дому⁶.

Произведения Плавта, несомненно, содержат большой, еще не исчерпанный материал по истории римского рабства. Конечно, теперь едва ли кто-нибудь, характеризуя положение римских рабов, решится подобно А. Валлону основывать свои построения на выдержках из Плавтовых пьес. Рабы комедий Плавта — «литературные». Для нас интересен другой вопрос: считать ли Плавта бытописателем, не осознавшим остроты «рабского вопроса», или «пропагандистом», обращавшимся к разным категориям зрителей, в том числе и рабам, с соответствующими социальными рекомендациями?

К этому вопросу подошел В. Гофман, утверждающий, что Плавтовы рабы «представляют поэта», который, описывая взаимоотношения между рабами, вывел на сцену теоретический принцип Катона⁷. Но, может быть, влияние социальных принципов, выраженных в трактате Катона, было еще глубже?

Годы жизни Плавта — 250—184, Катона — 234—149. Оба они слышали клич «Ганнибал у ворот», встречали победителей над Филиппом V, Антиохом III и Персеем. Всего несколько десятков лет отделяют их от великих рабских восстаний в Сицилии, от «государства солнца» Аристоника. Они жили в то самое время, когда в Рим широким потоком хлынули рабы, роль которых во всех областях жизни стала значительной. Перед римским обществом стал вопрос об использовании рабов и взаимоотношениях с ними.

Сошлемся на Катона. Он приобретал «работящих» конюхов и волопасов, выжимая из них «словно из выючного скота» все соки (Plut., Cato, 4—5). Эти сообщения Плутарха совпадают с принципами, провозглашенными самим Катонам в трактате о земледелии, где он предлагает постоянно занимать рабов трудом (De agr., 2, 1—4), продавать старого, больного невольника (2, 7) и т. п.

Главной заботой Катона было рационально использовать рабов в хозяйстве (отсюда его советы, как использовать их в разную погоду, как кормить в разные времена года). Этой основной задаче подчинена и другая: как строить взаимоотношения с рабами, чтобы они лучше трудились. Поэтому Катон предпочитал приобретать молодых рабов, легче поддающихся воспитанию (Plut., Cato, 21), заботился о создании для них маломальски сносных условий жизни. «Рабам, — писал он, — не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать» (De agr., 5, 2); нужно «знать, что у рабов на уме» (5, 5); раба можно привлекать к участию в жертвоприношениях «за здоровье волов» (83).

Сам Катон временами трудился вместе с рабами, ел их пищу (Plut., Cato, 3). Он разрешал им за плату сожительствовать со служанка-

⁵ Я. Н. Коржинский, Отношение раба к выходу на волю. (По материалам римской комедии), ВДИ, 1957, № 3, стр. 154 сл.

⁶ Штаерман, ук. соч., стр. 97 сл.

⁷ W. Hoffmann, Plautinische Sklaven. Sozialökonomische Verhältnisse im alten Orient und klassischen Altertum, В., 1961, стр. 146 слл.

ми⁸, не мешал копить деньги и перепродавать мальчиков (Plut., Cato, 21). Катон рекомендует поощрять добросовестного раба, советует воздействовать на виллика убеждением (De agr., 142), но не меньшую роль отводит и наказаниям, подчас весьма суровым: за мелкую вину невольники наказывались ремнем, совершившие тяжкий проступок карались смертью (правда, в вынесении смертного приговора участвовали все рабы — Plut., Cato, 21).

Общим местом в исторической литературе стало сообщение Плутарха о расприх между рабами, которые сеял Катон. Меньше внимания обращали на то, что суровый цензор, несмотря на совместные трапезы со своими невольниками, не забывал о непреходимой грани, отделявшей хозяина от слуг. Он даже отказывается от наставников для сына из числа рабов. Раб не смеет бранить или драть за уши молодого Катона, а тот не должен быть обязан рабу благодарностью за первые знания (Plut., Cato, 20)⁹.

Катон не только поучает, как нужно использовать рабов в хозяйстве, не только старается регламентировать нормы отношений с ними. Перечисляя обязанности виллика, он пытается нарисовать образ «хорошего раба». Виллику надлежит соблюдать порядок в хозяйстве, быть отменно честным, трезвым, трудолюбивым, заботиться об исполнении воли хозяина. Он не смеет считать себя умнее хозяина, должен быть другом хозяйским друзьям, слушаться, кого надлежит. Он не может без разрешения давать в долг или занимать на стороне, обязан своевременно взимать долги (Cato, De agr., 5, 1—4).

Итак, «рабский вопрос» для Катона состоял в том, как заставить раба быть верным, честным, трудолюбивым. В своем трактате Катон рекомендует средства воздействия на раба (поощрения и наказания) и создает образ идеального слуги-виллика.

Обсуждались ли эти проблемы только в кругах рачительных хозяев, интересовавшихся агрикультурой, или они широко дебатировались в повседневной жизни? Комедии Плавта должны помочь ответить на этот вопрос.

Попытка сравнить взгляды столь разных писателей — комедиографа и автора экономического трактата — требует некоторых оговорок. В предлагаемой статье не затрагивается вопрос о том, насколько Катон и тем более Плавт отразили в своих сочинениях реальное положение римских рабов. Нас интересуют представления обоих писателей о взаимоотношениях рабов и свободных; попытаемся рассмотреть, что именно в данной сфере вызывало одобрение того или другого автора и что они порицали. В этом пункте автор трактата и комедиограф сопоставимы, хотя для первого «рабский вопрос» был связан с проблемой рационального использования рабов в хозяйстве, а второго вопрос этот мог задевать прежде всего как важнейшая сторона быта римской фамилии.

При такой постановке вопроса не так уже важно, что в сочинении Катона мы сталкиваемся с сельскими рабами, а в комедиях Плавта в основном с домашними, городской челядью. Заметим, впрочем, что среди персонажей Плавта попадаются и сельские рабы: виллик Олимпсион (Cas.), Грумпион (Most.), раб по прозвищу Грубиян (Truc.), прислуживающий своему хозяину, живущему в деревне.

⁸ Ср. De agr., 143, где Катон предписывает виллику довольствоваться женой, дарованной хозяином.

⁹ Интересно отметить, что от пагубного влияния раба на молодого человека предостерегает и Плавт. Достаточно вспомнить комедию «Привидение», где молодой человек, попав под влияние раба, проматывает отцовское состояние (см. Most., 1—33).

Римский комедиограф не стремится создать цельный, положительный образ раба¹⁰. Тем не менее мысли о том, каким должен быть хороший раб, встречаются во всех его комедиях. Так, *servus bonus* понимает, что хозяин вполне над ним властен (*Amph.*, 557), он обязан подстраиваться под настроение хозяина и в зависимости от этого быть грустным или веселым; хорошему рабу следует быстро и без досады исполнять приказавия, служить на совесть, сначала думать о хозяйских делах, потом о своих, помнить и во сне о своем рабском состоянии (*Aul.*, 588 и сл.). Даже в отсутствие хозяина он должен заботиться о хозяйских делах, чувствовать перед хозяином благоговейный страх и воздерживаться от вина (*Most.*, 16 и сл., 857 и сл.; *Men.*, 967 и сл.; *Persa.*, 7 и сл.; *Pseud.*, 1115 и сл.), все знать о хозяине, но ничего не выбалтывать (*Mil.*, 478, 563), подчиняться так, чтобы легко было приказывать (*Mil.*, 611—612), исполнять свои обязанности без напоминания (*Stich.*, 57—58), бояться господина и заботиться о нем (*Most.*, 993), быть при нем молчаливым, не соваться вперед с разговорами (*Rud.*, 112 и сл.), сохранять верность (*Capt.*, 344 и сл.), переносить рабство «как следует» (*Capt.*, 372).

Так, в разных комедиях Плавт набрасывает черты верного, «доброго» раба, которые до мелочей совпадают с требованиями, предъявлявшимися Катонем к образцовому виллику. Постоянное возвращение к этому образу свидетельствует об актуальности проблемы «хорошего раба». К кому обращался Плавт? Понятно, что о таком верном рабе мечтали люди, владевшие рабами. Но было бы неправильно думать, что Плавт просто хочет показать рабовладельцу, каким должен быть «*servus bonus*» (ему это было и без того известно). Комедии Плавта смотрели все, в том числе и рабы. Видимо, комедиограф обращался и к ним со своими советами, как и чем нужно и можно заслужить благосклонность хозяина.

Выведенные в Плавтовых комедиях конкретные рабы отличаются от этого собирательного образа: они умны, находчивы, когда нужно, храбры, но лукавы, вороваты, самоуверенны и, безусловно, враждебны господам¹¹ — их дарования, которых Плавт не отрицает, направлены во вред хозяевам.

Возможно, что Плавт, обращаясь к зрителям — рабам и господам, стремился к исправлению «рабских прав». В свете сказанного небезынтересно рассмотреть некоторые аспекты отношений рабов и господ, как их рекомендует строить Плавт. Плавт ставит вопрос о награде рабу за его добрые качества. Важно отметить, что рекомендации на этот счет даются со сцены чаще всего самими рабами¹².

Избежать наказания верной службой — мечта, вероятно, всех Плавтовых рабов. Многие из них помышляют о сытой жизни (*Men.*, 980 и сл.); раб Грумион (*Most.*, 41 и сл.) с завистью попрекает распутного раба Трахиона тем, что тот ест дичь и рыбу, а ему приходится довольствоваться луком и чесноком. Эти примеры можно было бы умножить.

Раба можно одарить мелочью. Старый Лисидам обещает рабыне сандалики, золотое колечко и многое другое (*Cas.*, 705 и сл.). Очень выра-

¹⁰ С. И. Соболевский (Публий Теренций, Адельфы, стр. 38) пишет о непоследовательности характеристик Плавта: «... Какой-нибудь раб с самого начала пьесы выказывает большую честность, преданность своему господину и вдруг происходит перемена, ничем не мотивированная, и этот раб превращается в отчаянного плута. На эту непоследовательность указывает и Гораций в одном из „Посланий“ (II, 1, 170—172)».

¹¹ Штаерман, ук. соч., стр. 87.

¹² Шпрангер считает комическую фигуру раба мало подходящим рунором для выражения социальных протестов поэта (S r g a n g e r, ук. соч., стр. 113). Можно согласиться с тем, что Плавт не критиковал римские порядки устами театральных рабов. Но сценический раб был вполне подходящей фигурой, через которую автор обращался к зрителям, в числе которых были рабы.

зительно звучат слова раба Мильфиона, который считает за благо хорошо поесть, иметь бесплатную подружку (Роеп., 867—868). Владеть подружкой — мечта Плавтовых рабов. Так, виллик Олимпсион пытается обзавестись женой, имея почтенную должность (Сас., 107—110). Эти рабские желания, считает комедиограф, заслуживают удовлетворения при определенных условиях: недаром раб Мессенион уверен, что за добрые дела хозяин его наградит (Мен., 980 и сл.).

Перечисленные меры поощрения можно рассматривать как обычные. Они обеспечивали тот уровень рабской жизни, о котором говорил Катон. Вероятно, и Плавт придерживался принципов, бытовавших в кругах людей, владевших рабами и обобщенных таким хозяином, как автор «Земледелия».

Высшая награда — освобождение раба. К свободе стремятся очень многие рабы Плавтовых комедий¹³. Достигнуть ее можно двумя путями: выкупом или добрым делом¹⁴. Шпрангер (ук. соч., стр. 35) прав, замечая, что для Плавтовых рабов свобода — мечта, далекая перспектива. Нельзя, конечно, видеть в этом осуждение рабства, но напрасно немецкий исследователь вообще отказывается искать здесь социальный смысл. Плавт улавливает реальную мечту раба получить свободу и рекомендует способ, каким можно ее обрести. Он пытается воздействовать на разнородную публику¹⁵: одним он указывает средство получить свободу, другим дает совет, за что ее даровать.

Если обычные награды рабам, встречаемые у Плавта, находят соответствие в рекомендациях Катона и мы можем утверждать, что римский комедиограф показывал со сцены то, что хотел бы видеть Катон и подобные ему, то об освобождении как средстве воздействия на раба Катон не упоминает. Но это не значит, что Плавт выражает здесь новые взгляды или выступает ходатаем за униженных и угнетенных. С обещанием свободы обращается Цицерон к своему любимцу Тирону, рассматривая ее как достойное вознаграждение за верность (Сис., Фам., XVI, 10; XVI, 16,). Цицерон тоже, очевидно, не был изобретателем такого способа привлечения раба. Следовательно, обещание свободы за особые услуги, верность, хорошие духовные качества рассматривалось на протяжении длительного исторического периода как средство воспитать в рабе эти качества.

Таким образом, рабу рекомендуется быть достойным награды, хозяину — награждать достоинства. Недаром же Парасит из «Близнецов» называет дураками тех, кто заковывает пленных в цепи, рабов томит в оковах. Ведь такое обращение толкает раба на дурные поступки и бегство. Не разумнее ли привлечь раба хорошей едой и питьем (Мен., 80 и сл.)? Более того, угрозы часто бесполезны — они не пугают того, кто к ним привык (Мил., 372 и сл.), а хорошего хозяина рабу горько потерять (Мил., 1210).

На услугах рабов и достойном их вознаграждении хозяевами основываются, как мне кажется, отношения, изображенные в комедии «Стих».

¹³ Менехм требует свободы за спасение хозяина (Мен., 1023); Анфрак (Аул., 309—310) хочет занять талант, чтобы откупиться на волю. Стих для этого же копит деньги (Стих., 752); Леонид и Либан готовы служить Аргирину ради получения свободы (Асин., 650—652); Лисидам, стараясь привлечь раба Халина, обещает ему свободу (Сас., 473—474); Эпидик за свои заслуги требует освобождения (Мерс., 154—155); служанка трудную минуту обещает свободу своему рабу Аканфиону (Мост., 210); молодой раб Пегний надеется на Экифа возносит свободу выше любви (Мост., 288—289); Трахалион требует свободу за услуги свободу за свои достоинства (Перса, 288—289); Трахалион требует свободу за услуги своему рабу (Руд., 1216—1220); Агорастокл считает обязательным дать свободу верному рабу (Роеп., 130 и сл.); мечтает о свободе раб Стасим (Трин., 440; 563—564).

¹⁴ Все это не позволяет согласиться с Я. Н. Коржинским, который изображает Плавта критиком рабства.

¹⁵ Hoffmann, ук. соч., стр. 142.

Мысль Н. Ф. Дератани, будто Плавт стремится в ней привлечь внимание к быту рабов и тем самым проявляет себя «представителем низших слоев»¹⁶, — ничем не подтверждается. Комедия «Стих», как и «Пленники», стоит особняком в Плавтовом репертуаре. В ней тоже нет интригана-раба, распутницы, хвастливого воина, т. е. всех тех характерных типов, которые, по словам самого Плавта, делают комедию трафаретной (Carp., 52 и сл.). Единственный персонаж, веселящий публику, — паразит. Можно думать, что автор для того только и вводит эту фигуру, которая не требуется развитием действия.

В этой комедии отсутствует занимательная фабула, но зато все образы положительны и поучительны с точки зрения их моральных качеств. Даже старый Антифон, убедившись в непреклонной добродетели своих дочерей, дает им благочестивый совет усердно заботиться о хозяйственных делах (Stich., 145). Необычны, сравнительно с другими комедиями, и образы рабов. Стих — верный раб, разделивший с хозяином многие беды (Stich., 418). Сагарин, тоже верный раб, радуется возвращению в Афины, страну своих господ (Stich., 649—650).

За верность рабы получают заслуженные, с точки зрения господ, награды (Stich., 422): им даруется возможность свободно пошiroвать, удалившись к подружке. Стих в дополнение к суткам отпуска получил бутылку вина. Он рад: хозяин осчастливил своего раба (Stich., 655). Рабы устраивают скромную — по средствам — пирушку, они знают свое место, довольны им. И рабы, и господа удовлетворены.

Нереальность всего изображенного чувствует и сам Плавт. Недаром Стих, обращаясь к публике, просит ее не удивляться рабскому веселью, любви и обеду: в Афинах это случается (Stich., 446 и сл.).

Содержание комедии, в которой выведены только положительные образы рабов и господ, исключительные отношения между ними, позволяет подумать, что в этой необычной комедии выражен определенный социальный идеал Плавта. Крепкая, дружная фамилия, рабы, отделенные от господ, но поощряемые за верность, довольные своей судьбой.

Шпрангер (ук. соч., стр. 119) отрицает, как мы видели, наличие социальной платформы у Плавта. Это не так. Конечно, Плавт не критикует рабовладельческие порядки, едва ли есть основания считать его выразителем настроений униженных и угнетенных. Но назвать его вслед за Шпрангером комедийным писателем, стремящимся только развлечь толпу даже за счет ее слабостей и ошибок, — невозможно. С каким воодушевлением рисует Плавт патриархальную жизнь римской фамилии, где рабы верны своим хозяевам и знают свое место, где царят мир и любовь! Комедия «Стих» тому подтверждение.

Мы упоминали о стремлении Катона отделить рабов от остальных членов своей семьи и, в частности, от сына. Но суровый цензор иногда разделял рабскую трапезу, разрешал рабам за определенную плату сходиться со служанками. Между прочим, в комедии Плавта Стефания, подружка Стиха и Сагарина, — служанка в доме их господ. На пирушку с ней рабы тратят накопленные деньги (Stich., 753—754).

Социальный идеал Плавта, как я попытался показать, свидетельствует о совпадении его воззрений на «рабский вопрос» с настроениями хозяев типа Катона. Посмотрим теперь, что порицал римский комедиограф.

Каковы были представления Плавта о «плохом» рабе? Сама характеристика пороков позволяет определить социальные позиции автора. В данном случае несущественно, насколько образы рабов следуют установившимся

¹⁶ Тит Макций Плавт, Избранные комедии, [1], М., 1933, стр. 358.

трафаретам¹⁷. В конце концов трафаретный образ избирается автором как обобщающий — для решения определенной дидактической задачи¹⁸.

Итак, какими чертами Плавт наделяет «плохого раба»? Скеледр (Mil., 482) упрекает Палестриона за то, что тот не заботится о хозяине. Палинур, «немало знавший розог», терпит за болтливость (Circ., 193). Гарпаг называет плохим и негодным того раба, который не ценит господского приказа и ничего не делает без напоминания, чувствует себя свободным; чуть укрывшись от хозяйского ока, тратит скопленные деньги на распутство. Такому без конца быть рабом (Pseud., 1102 и др.). Либан, обращаясь к самому себе, советует не подражать рабам, обманывающим хозяев (Asin., 255). Рабу не подобает быть гордым (Asin., 470). Осуждается стремление раба к бегству (Cas., 953). Грумион (Most., 20 и сл.) обрушивается на раба Транниона, который, пользуясь отсутствием хозяина, развращает хозяйского сына, пьянствует, транжирит господское добро. Сам Траннион признает свои грехи перед хозяином: выкушил любовницу, занял под процент деньги и растратил их. Раб Сталагм заявляет о своих дурных качествах: никогда он не был добрым, дельным, порядочным (Capt., 955 и др.).

Таким образом, к рабским порокам Плавт относит прежде всего то, что во вред господину. Только эти пороки и осуждает комедиограф. Если отрицательные качества раба на благо господину, то они оцениваются весьма высоко. Старик Деменет с уважением говорит о своем рабе Либане: хуже и увертливей этого раба никого не сыщешь, но аккуратен и исполнительен. Умрет, а обещанное исполнит любой ценой (Asin., 118 сл.). В подобном случае и порок обращается в достоинство!

Итак, социальная позиция Плавта проявляется весьма определенно. Он осуждает раба, который не заботится о хозяине, пренебрегает его добро, лжет и т. д. Но ведь и Катон требовал от раба честности, сдержанности, трудолюбия. Короче говоря, пороки Плавтовых рабов до мелочей могут быть противопоставлены положительным качествам, которых требует Катон от хорошего раба. Хорош тот раб, который трудится на благо господину; плох тот, кто доставляет господину неприятности. Совершенно очевидно, что и в данном случае нет оснований считать Плавта защитником рабских интересов в большей степени, чем Катона. Стоя на близких классовых позициях, они каждый по-своему решают одну общую задачу: показать, каким должен быть раб, каким он не должен быть. И для Плавта и для Катона это актуальная проблема — во всяком случае, у Плавта она возникает в любой комедии. Римский комедиограф использует широкие возможности сцены, устами своих героев призывает зрителей учиться и понимать смысл игры.

Конечно, речь идет не о прямой связи «Земледелия» Катона и комедий Плавта, но о совпадении социальных воззрений обоих авторов, определившихся общностью их классовой позиции. Оба они — знаток сельского хозяйства и комедиограф, — каждый в соответствии со спецификой своего

¹⁷ Ср. S p r a n g e r, ук. соч., стр. 16.

¹⁸ Общепризнано, что комедия «Пленники» была направлена на исправление нравов (см. стр. 1029—1031). Однако ее идея заключается не только в призыве к гуманному обращению с пленными, но и в пропаганде идеальных взаимоотношений господина и раба, готового на самопожертвование. Я пытался показать, что поучающее значение имела комедия «Стих». В «Пунийце» прямо провозглашается задача воздействовать на зрителей. Свидетели, обращаясь к Агорастоклу, замечают, что комедия дается для зрителей, чтобы они учились и понимали ее. Нельзя согласиться с мнением Шпрангера, считающего (ук. соч., стр. 107), будто комедии Плавта не имели практически нравственного значения. Ссылка на Rud., 1249, где Грин жалуется, что публика не следует нравственному учению пьес, не подтверждает мысли немецкого исследователя. Плавт жалеет, что пьесы не оказывают должного воздействия, но это не значит, конечно, что воздействовать на публику он и не хотел.

творчества выразили взгляды на рабский вопрос, бытовавшие в тех кругах римских рабовладельцев, к которым принадлежал, по крайней мере, Катон. В сопоставлении взглядов этих несхожих авторов нет ничего принципиально нового (см. выше прим. 7 и ниже прим. 24). Отмечали даже, что образ Грубияна, раба из одноименной комедии, нарисован (в начале пьесы) в соответствии со вкусами Катона¹⁹.

Плавт не только высказал суждение о том, что следует считать плохими качествами раба, но и показал, что ждет обладателя этих пороков. Не пытаясь решать вопрос, каким наказаниям подвергались римские рабы, посмотрим, кому грозили наказания и как вообще Плавт ставит вопрос о наказаниях²⁰.

Опасность наказаний постоянно грозит и хорошим и плохим рабам Плавтовых комедий. Едва ли это литературная выдумка. Мы знаем, что Катон не спускал своим рабам даже мелких проступков (Plut., Cato, 21).

Обратимся к пьесам Плавта. Раб Сосия подвергается опасности наказания на нарушение городских порядков, ему грозят плети, и хозяин не может его защитить. И это правильно с точки зрения Сосии (Amph., 153 и сл.). Мессенион произносил довольно длинный монолог о хороших и плохих рабах. Последних ожидают изнурение, голод, холод, побои, оковы, тяжкий труд на мельнице. Хорошему рабу это не грозит. Поэтому Мессенион служит с расчетом: дабы цела оставалась спина (Men., 972 сл.). Палестрион, раб хвастливого воина, испытывает зуд в спине, думая о своих проделках. Пинакий, ломаясь в дверь, хочет ее «исклотить... как беглых бьют рабов». Таких примеров можно привести очень много (Stich., 312). По словам раба Фаниска, плохие рабы терпят побои за победы, отсутствие страха, непослушание, неисполнительность и т. д. (Most., 857 и др.). Не продолжая этот перечень, который мог бы быть очень длинен, приведу только интересное место из «Пунийца». Пролог обращается к рабам, присутствующим на представлении: им грозят две беды — увидеть на сцене, как бьют рабов и дома испытать побои, если они что-нибудь упустят (Roem., 23 и др.).

Из сказанного явствует, что раба наказывают за проступки, определяемые дурными качествами, и это не вызывает у Плавта осуждения. Рабы, рассуждающие о своей судьбе (Мессенион и Фаниск), признают справедливость таких наказаний. Это, безусловно, совпадает с принципом Катона: «Рабам провинностей не спускай» (De agr., 4).

Однако кажется, что Плавт и против излишней жестокости. И дело здесь, разумеется, не в особой гуманности римского комедиографа. Чрезмерные наказания ожесточают рабов, делают их нечувствительными к наказаниям. Скеледр знает, что его удел дыба. На ней погибли его отец, дед и прадед. Поэтому угрозы ему не страшны (Mil., 373 и др.). Не страшат побои и Сагаристиона. Они для него не новость (Persa, 250—268), потому он и готов сыграть с хозяином злую шутку. Баллион признает, что чем больше бить рабов, тем хуже: они привыкают к побоям, пользы от таких рабов мало (Pseud., 140 и сл.). В «Рабе-обманщике» господин даже спрашивает своего раба (хотя и не без иронии): «Если ты на меня сердит, значит мне надо бояться?» (Pseud., 473 сл.).

Устами раба Фаниска (Most., 870 и сл.) Плавт утверждает, что участь раба зависит от него самого. Хозяин хорош с хорошим рабом и плох с плохим, вместе с тем поведение раба зависит и от поведения господина:

¹⁹ Тит Макций Плавт, Избранные комедии, III, М.—Л., 1937, стр. 290 (введение М. М. Покровского и Б. В. Варнеке к комедии «Грубиян»).

²⁰ Шрангер (ук. соч., стр. 51) считает, что многочисленные наказания, грозящие Плавтовым рабам, являются традиционным элементом комедии.

так, упоминавшийся раб Сагаристнон хочет обмануть хозяина, потому что он, скряга, заширает даже соль.

Плавт как бы обращается и к рабам — «От вас зависит доброта хозяина» (слова Фаниска, *Most.*, 856 сл.), и к владельцам рабов, призывая их к определенной умеренности в наказаниях: чрезмерность в этом деле к добру не ведет.

Таким образом, Плавт, сколь бы ни были трафаретны образы его рабов, как бы ни зависели они от греческих образцов, проводит на сцене совершенно определенную мысль: есть *servi frugi* и *servi callidi*. Добродетели первых заслуживают поощрения, проступки вторых — наказания. Образец идеальных, построенных на этой основе отношений показан в комедии «Стих». Их сущность: крепкая фамилия, где рабам, подчиненным непрерываемой воле господина, отводится место, обеспечивающее образ жизни в духе принципов Катона. Особого сочувствия рабам у Плавта все-таки заметить нельзя. Выступая против бессмысленной жестокости, обостряющей неприязнь рабов к хозяевам, римский комедиограф выступает и против чрезмерного сближения со слугами, позволяющего им забывать о своем рабском положении.

Прежде чем остановиться на этом вопросе, сделаю несколько замечаний. Плавт жил в переходную эпоху римской истории. Старые устои патриархального быта оказывались непригодными, а новые отношения, основанные на проникновении рабства во все области жизни, еще не победили. В идеологии шла острая борьба, и новые «эллинские» начала наталкивались на «охранительное» движение, возглавлявшееся Катонам Старшим²¹. Этот человек, пожалуй, как никто другой воплотил в себе противоречия эпохи. Ведя неутомимую борьбу с многочисленными *flagitia* с чрезвычайно консервативных позиций, суровый цензор усердно пропагандировал новые формы хозяйства, в которых рабам отводилась серьезная роль²².

Проникновению новшеств в римский быт противилась не только часть знати, но и широкие круги граждан. Не случайно, по словам Плутарха, народ был доволен цензорством Катона (*Plut., Cato*, 19). И это объяснимо. Пройдет всего несколько десятков лет и Тиберий Гракх, ссылаясь на безмерный рост рабства, скажет, что диким зверям в Италии живется лучше, чем квиритам. А через сотню лет Марк Тулий Цицерон будет упрекать брата Квинта, слишком приблизившего к себе любимца-раба Стация. Ведь многие люди вынуждены искать покровительства у раба наместника провинции (*Cic., Ad fr.*, I, 2, 3).

Таковы были результаты проникновения рабства в римскую экономику и быт. Начало этому процессу было положено уже в III—II вв., когда Рим из средиземноморского захолустья вырастал в мировую державу.

Социальная направленность Плавтовой сатиры, ее политическое значение и место в идеологической борьбе в Римской республике III—II вв. в советской науке специально не исследовались. Не ставя этой проблемы в полном ее объеме, я хочу здесь только поставить вопрос — нет ли у Плавта, в его оценке отношений рабов и господ мотивов, сближающих его с Катонам и теми кругами, которые, признавая хозяйственную полезность рабов, пытались противостоять их возрастающему влиянию в повседневной жизни, в быту фамилии.

Обратимся к комедии «Раб-обманщик». Герой пьесы *servus callidus* настолько близок господскому сыну, что знает его мысли (*Pseud.*, 16—

²¹ См. С. Л. У т ч е н к о, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, стр. 64.

²² М. П о р ц и й К а т о н, Земледелие, пер. и комм. М. Е. Сергеевко, М. — Л., 1950, стр. 89. Это противоречивое отношение Катона к новшествам отмечал Н. Ф. Дератани (Т и т М а к ц и й П л а в т, Избранные комедии, [1], стр. 9).

17). Необходимый молодому человеку, он пользуется этим ради желания поиздеваться над старым хозяином. Прodelки Псевдола увенчались успехом. Он надул старика Симона, своего господина, и говорит ему насмешливые и, пожалуй, предостерегающие слова: «Горе побежденным!» (Pseud., 1317).

Наиболее ярко высмеивается зависимость от раба, втянутого в личные дела свободного человека, в комедии «Ослы». Юноша Аргирипп просит раба Либана достать ему денег на выкуп подружки. Хитрый раб достал деньги и требует, чтобы хозяин за такую услугу катал его на спине. Аргирипп вынужден подставить спину. Торжествующий Либан восклицает: «Вот так-то гнут горб гордые!» (Asin., 700—701).

Тему свободных людей, поплатившихся за чрезмерное доверие своим рабам, можно проследить во многих Плавтовых комедиях. Можно упомянуть рабов Эпидика, выманивающего деньги у хозяина, Сагаристиона, за которого хозяин «хватается как за гноющийся глаз» (Persa, 10).

В некоторых работах²³, посвященных творчеству Плавта, высказывается недоказуемая мысль, будто издевательства рабов над свободными, встречающиеся в его пьесах, — свидетельство демократических симпатий римского комедиографа. С таким суждением можно было бы согласиться, если бы издевающиеся рабы вызвали у Плавта сочувствие. Но ведь этого нет. В описанной сцене из комедии «Ослы» нет никаких признаков того, что Плавт разделяет радость своего героя.

Этим сценам, мне кажется, следует дать иное толкование. Излишнее доверие рабам, чрезмерная близость с ними, попустительство — все это объект Плавтовой сатиры, осуждающей «моральное засилье» рабов, против которого позднее выскажется и Цицерон.

Все сказанное дает основания предположить, что в идеологической борьбе, развивавшейся в Римской республике III—II вв., Плавт, вероятно, был сторонником того «охранительного» направления в быту, которое затем возглавил Катон. Проблема эта нуждается, конечно, в дополнительном исследовании²⁴.

Перед Плавтом, как и перед Катоном, стоял «рабский вопрос»: тот и другой стремились определить взаимоотношения между господами и рабами, обеспечивающие лучший труд невольников, их преданность и привязанность к дому. Плавт видел неприязнь, царившую между рабами и их хозяевами, и, обращаясь к различным категориям зрителей — в том числе и к рабам, предлагал пути для ее сглаживания. В своих суждениях на этот счет он не выходил за рамки Катоновых принципов, сторонники которых хотели широко эксплуатировать рабов, но противились последствиями проникновения рабства в римский быт.

²³ См. введение Б. В. Варнеке к переводу «Эпидика» (Т и т М а к ц и й П л а в т, Избранные комедии, II, стр. 141 сл.).

²⁴ Н. Ф. Дератани подметил близость взглядов Плавта, осуждавшего роскошь, погоню за приданым и т. п., к «охранительной» тенденции Катона (см. Т и т М а к ц и й П л а в т, Избранные комедии, [I], стр. 587, прим. к стр. 166; стр. 589, прим. к стр. 479). К сожалению, в своих взглядах на отношение Плавта к рабскому вопросу исследователь оказался связан предвзятым мнением о римском комедиографе как идеологе бедноты.